

**Луиза
Вот**

**ТВОИ
СОСЕДКИ**

Луиза Вот
Твои соседи

«Автор»

2026

Вот Л.

Твои соседи / Л. Вот — «Автор», 2026

Следователь Макс Кузнецов и его напарник Алексей Норкин находят в советских квартирах кровавую баню. Пятеро убитых, двое из них — дети. Преступник не взял с собой ничего, кроме пульта от телевизора и орудия убийства. Соседи утверждают, что ничего не видели и не слышали. Что скрывают жильцы дома? Откуда такая жестокость? На эти вопросы следствие найдёт ответы. Подпишитесь на Луизу Вот, чтобы не пропускать выход бесплатных рассказов!

© Вот Л., 2026

© Автор, 2026

Луиза Вот

Твои соседи

Глава 1

Следователи были в ужасе, когда зашли в квартиру с советским ремонтом. В коридоре на полу лежала полная женщина с перерезанным горлом. У стены валялась мёртвая чихуахуа. В гостиной рядом с входом лежала с множеством ножевых ранений симпатичная студентка. А в центре комнаты, на узорчатом ковре, лежал дед со спущенными штанами. Его грудь была залита кровью. В воздухе пахло мочой, смертью и невероятной жестокостью.

В квартире напротив нашли двух мальчиков, сложенных друг на друга в кровавом месиве.

Следователь Макс Кузнецов нахмурил брови и почесал затылок с короткой стрижкой.

— Тут без сигареты никак, — сказал он, идя к выходу.

— Тут без стопки никак, — поддержал разговор напарник Алексей Норкин, надел кепку на лысую голову и пошёл следом.

Коллеги на улице сказали, что соседи ничего не видели и не слышали.

— Что-то здесь нечисто, — рассуждал Макс, закуривая сигарету у входа в подъезд.

— Сговор? Может быть, соседки прикончили эту семейку, а сейчас делают вид, что не при делах? — предположил Норкин, потирая засохшие губы.

— Люди не могут даже о вывозе мусора договориться, а ты хочешь сказать, что они спланировали кровавую баню, где из зацепок — пропавший пульт от телевизора и кровь в шкафу, — подметил Макс и выпустил дым.

— Убийца коллекционирует пульты? — посмеялся Алексей Норкин.

К ним подбежал новичок

— Все ручки протёрты. В квартире только отпечатки хозяев, — сказал он и пошёл в машину.

Кузнецов недовольно окинул взглядом окна. Когда Макс докурил, они поехали в участок.

— Я думаю, что хотели убить именно студентку. Столько ножевых. И в щёку, и в плечо, и в грудь. Как будто пытались отомстить за старые обиды, — предположил Алексей Норкин, стоя у стола Кузнецова.

— Возможно, но она последняя, кто пришёл в квартиру. Как-то нелогично, — подчёркнул Макс, сидя в кресле и немного покачиваясь.

— Может быть, преступник хотел убить всю её семью? Настолько он ненавидел девчонку! — предположил Норкин, ходя по кабинету.

— Если бы целью была студентка Катя, то её бы убили в другом месте, — сухо сказал Макс, убирая бумаги в папку.

— Ты видел маршрут до вуза? Автобус, поезд, центральная дорога. Она всегда на виду! Самое простое — прикончить её дома, в кругу семьи, — настаивал Норкин.

— Хорошо, убедил. Надо узнать всё о её жизни и отношениях с одноклассниками. Парень у неё был?

— Судя по личным перепискам, она была сфокусирована на учёбе, — уверенно сказал Норкин, который уже пролистал все чаты жертвы.

— А каблук для усиления эффекта? Ей явно кто-то нравился. Может быть, это был педагог? С ним она бы точно не переписывалась открыто, — подметил Макс, печально смотря на фотографию своей семьи.

— А при чём тут дети из квартиры напротив? — не понял логику Норкин.

— Они просто случайные свидетели. Попали под горячую руку, — тяжело вздохнул Кузнецов.

Норкин с сожалением посмотрел на напарника, а затем поехал в вуз опрашивать знакомых девушки. Он начал с подруг: те клялись, что у них не было конфликтов и отношений у девушки тоже не было.

На вопрос про каблуки последовал уверенный ответ, что они — просто для красоты. Реакция на смерть подруги была у всех сильной. Они признались, что завидовали красоте девушки, но никогда бы не подняли на неё руку. Фотографии с места преступления довели их до истерики. Стало понятно, что они не смогли бы совершить столь жестокое преступление.

Затем Норкин пошёл к заведующей кафедрой. Она утверждала, что Катюша — прилежная студентка и никогда не была замечена в конфликтах.

Следователь попросил список педагогов. Там было только двое мужчин. Один из них был восьмидесятилетним стариком с плохим зрением, а другой — молодой преподаватель, недавно закончивший вуз. Норкин сразу направился к нему в аудиторию.

Было обеденное время, поэтому молодой человек уплетал суп в подсобке. Норкин поздоровался и сразу задал неудобный вопрос о Кате. Педагог начал отпираться, поэтому следователь решил испортить ему аппетит фотографиями с места преступления. Педагог подавился супом. Он с неохотой рассказал, что она подходила после уроков и задавала вопросы по предмету. Никаких намёков преподаватель не получал. Однако мужчина подметил, что Катя в последнее время стала более откровенно одеваться и носить каблуки.

Педагог показал фотографию своей возлюбленной и убедил Норкина в своей непричастности. Уверенный в себе следователь вернулся в участок ни с чем.

В это время Кузнецов вернулся в многоквартирный дом со списком тех, кто заявил, что был в квартире и ничего не видел. В результате более подробного опроса стало заметно, что жильцы соседних этажей нервничали. Они явно что-то знали.

В ходе допроса только одна женщина с верхнего этажа призналась, что убийца живёт в соседнем подъезде. Ей сразу не понравилась эта идея, но соседи убедили, что будет правильно ничего не рассказывать.

— Что они такого сделали? — не понимал Макс.

— Они существовали. Эта Катька всегда собачилась с матерью. Дед их всегда громко слушал телевизор, даже ночью не выключал. Псина их лаяла круглые сутки. Родственники какие-то приезжали. Всегда какие-то застолья. Я бы тоже их убила, но у меня духу не хватило.

— Вы покажете квартиру, где живёт убийца?

— Я вам номер квартиры только скажу, сама не пойду туда.

Макс пожал плечами и пошёл к нужному подъезду. На домофон никто не отвечал. Пришлось звонить в другую квартиру. Дверь самой квартиры тоже не открывал. Следователь был вынужден вызывать взломщика. У Кузнецова было плохое предчувствие.

Когда дверь была взломана, он вошёл в коридор. В нос ударил трупный запах. Макс зашёл в спальню. В центре комнаты висела тридцатилетняя женщина. Рядом лежала испачканная кровью табуретка. На диване валялся пульт от старого телевизора и нож с шелковым платком. Все предметы были испачканы кровью.

На столе был невключённый экран компьютера. Макс поводит мышкой и появился текст: Утром я проснулась из-за того, что сверху соседская дура орала на орущего младенца.

«Видимо, у них это семейное», — раздражённо подумала я и с неохотой открыла слипающиеся глаза. За стенкой орала более взрослые молокососы. Внизу бабка-наркоманка пускала дым дешёвых сигарет. Запах проникал в квартиру и безумно бесил меня.

После завтрака я включила компьютер, и мои пальцы бодро застучали по клавиатуре. Я была максимально сосредоточена и организована, но это длилось недолго.

Не проработав и двадцати минут, я услышала, как молокососы за стенкой снова зашумели. Они ржали и носились так резво, что мой стол немного качало.

Беготня не прекращалась и доводила меня до точки кипения. Мой кулак сильно ударил по бетонной стене. Я крикнула им сейчас же заткнуться. К их сожалению, это не помогло, и они продолжили носиться. Я сделала ещё несколько попыток, но результата не было.

Моё лицо искривило негодование. Я не собиралась весь день терпеть этих гадёнышей.

Мне захотелось напугать их до усрачки. Я взяла с кухни нож, прикрыла его шёлковым платком и вышла на улицу, чтобы зайти в соседнюю парадную. На двери был домофон, я позвонила в одну из квартир наугад. Представившись промоутером, я была благополучно послана куда подальше. Звоня в другую квартиру, я уже представилась почтальоном и была пропущена внутрь.

Я поднялась на нужный этаж, убрала платок в карман и стала звонить в дверь. Гадёныши не открывали и подозрительно молчали. Я позвонила ещё несколько раз и дёрнула за ручку.

От удивления у меня забило сердце. Дверь почему-то была не заперта. Я по инерции открыла её до конца. От увиденного меня чуть не вырвало. Посреди комнаты валялись два изрезанных мальчика. Кровищи было столько, что их лиц не было видно.

Меня слегка затрясло от одновременного шока, страха, ужаса и радости, что наконец-то они больше не будут меня бесить.

Пока я осмысливала происходящее, немолодая полная тётка, живущая напротив, вышла проверить счётчики. В её руках был сальный листок в клетку и дешёвая ручка.

«Вот именно сейчас ей приспичило посмотреть показания», — негодовала я, медленно поворачивая голову.

Толстуха в дурацком халате краем глаза заметила кровищу и кухонный нож в моей руке. Её выражение лица начало выражать ещё больше эмоций, чем моё.

Недолго думая, она метнулась к двери своей квартиры. У меня мгновенно включился режим хищника, и я понеслась за ней.

В её квартире громко залаяло маленькое отвратительное существо. Баба с воплями пыталась закрыть дверь, но мои сильные руки не давали ей это сделать.

Через две секунды я уже была в её квартире. На мгновение мне показалось, что преимущество за ней. Она тяжелее, у неё ручка и лающая собака. Я чуток замаялась, и она, воспользовавшись положением, бросила мне в лицо ручку и сальную бумажку. Я была обескуражена её тупостью. Потом я вспомнила, что в моей руке всё ещё кухонный нож. Я не хотела её убивать, я хотела, чтобы она только послушала меня.

— Я не... — пыталась я начать разговор, поднимая нож. Эта дура завизжала, что сразу вызвало у меня ассоциацию со свиньёй, которую тащат на убой.

Она зачем-то стала махать руками, хотя я больше не двигалась. Шafka без перерывов истошно тяфкала, но нападать не решалась.

Я попробовала ещё раз объяснить ей ситуацию, но она начинала визжать ещё громче.

У меня уже не было сил слушать её свиной визг, и я не заметила, как воткнула нож ей в горло. Во все стороны полились струйки крови. Она упала.

Псина уже охрипла, лая, но всё равно продолжала поддерживать хозяйку издаваемым шумом.

Отойдя в сторону, я начала потихоньку осознавать, что я в полном дерьме. Я присела на корточки и обхватила лицо руками.

Псина догадалась, что терять ей больше нечего, поэтому она пошла в атаку на левую ногу.

Она вцепилась зубами в мою ступню. Я крикнула, выпрямилась и сильно мотнула ногой в сторону. Псина ударилась о стенку, жалобно заскулила, а потом затихла. Мне не хотелось проверять жизнеспособность собаки, поэтому я достала нож из горла бабы и пошла проверять другие комнаты на наличие свидетелей.

В гостиной всё это время громко работал телевизор, поэтому я пошла сначала туда. В зале в старом кресле сидел дед и спокойно смотрел ящик. В комнате слегка пахло мочой.

Он не отрывался от экрана и, казалось, не видел меня. Я позвала его — дед не отреагировал. Я упёрлась головой в дверной косяк.

Господи, что мне с ним делать?

Вдруг он встал и пошёл в угол комнаты. Снял штаны с трусами и начал мочиться прямо в угол.

Мне показалось, что от шока я проглотила язык, так как не могла ничего сказать.

Затем он повернулся и начал поливать комнату, размахивая своим хозяйством. После умственного напряжения он всё-таки заметил незнакомое лицо у входа. Старик растопырил пальцы и со странным выражением лица пошаркал в мою сторону. Даже убитые мальчики в соседней квартире не напугали меня так сильно, как он.

Как только старик преодолел полкомнаты, я крикнула: «Нельзя!» и с перепугу кинула в него нож. Дед скривился в многозначной улыбке и упал спиной на советский ковёр.

Я, прикрывая глаза рукой, подошла ближе и вытащила нож из его тела. Он неприятно захрипел, а из раны активно полилась кровь.

Елена, твою мать, что ты натворила?

По телевизору шли новости, где рассказывали о маньяке, который убил пять человек. Людей просили оставаться дома и не гулять в одиночку. Я взяла пульт и выключила кричащую голову. Не люблю телик.

Я бы сказала, что стало идеально тихо, но соседи сверху начали громко что-то таскать. Их тоже захотело убить.

В замке входной двери зашуршал ключ, но потом прозвучала фраза о забывчивости, и каблучки зацокали в сторону лифта.

Я подошла к балкону. Мне было страшно прыгать, поэтому я стала думать о других вариантах. Пока я думала, каблучки снова застучали у двери и ключ снова начал шевелить механизм.

Ничего не оставалось, как, полной дурой, вместе с окровавленным ножом залезть в шкаф.

Девушка зашла внутрь, закрыла дверь, но не повернула ключ.

Раздалось оглушительное визжание, которое с каждым шагом усиливалось. Я не собиралась это слушать. Выйдя из шкафа, я ударила её туда, куда могла попасть, то есть в плечо.

Вопли продолжились. Я достала из плеча нож и вонзила его ей в щёку.

Девушка почему-то продолжила орать, раздражая меня ещё сильнее. Я достала из щеки лезвие, чтобы она подавилась собственной кровью, но она как-то умудрялась продолжать издавать раздражающие звуки.

Я прицелилась в грудь. Хруст её рёбер был такой громкий и неприятный, что моё лицо съёжилось.

Она наконец-то замолчала.

Мне захотелось выйти. Я открыла чёртову дверь. На лестничной площадке собрались соседи с ближайших этажей.

Я испуганно посмотрела на них, сжимая нож, с которого стекала кровь. Все без исключения начали мне хлопать. Впервые за эти годы я почувствовала себя одним целым с домом. Я почувствовала поддержку, уважение и понимание со стороны соседей.

Они пообещали никому не рассказывать о случившемся и помочь убрать все следы. Я пошла домой, написала этот текст и решила повеситься, так как я не убийца и не хочу жить и помнить то, что произошло сегодня.

P.S.: Тех мальчиков, скорее всего, убили их же родители, так как никаких тапочек у входа не было.

Прощайте! Ваша не-убийца Елена.